

На границе степного солнца

I

– Где мы?

– В степях Оренбуржья. Спи, Любушка, солнце еще далеко.

Ночь и правда была густая. На разрезанной земле проступала дорога. Машина шла наугад. Ей тоже хотелось спать, но дядя Женя крепко взялся за руль – иначе не умел. «Терпи, – говорит. – Это Любушке можно дремать, а ты давай не подведи старика».

На заднем сиденье заскрипел женский голос:

О-о-о баю-баюшки-люлю,

Любу в люлю повалю,

Спи-ко, Любушка, усни,

Угомон себе возьми.

О-о-о спи-ко, Люба, Бог с тобой,

Ангел Божий над тобой.

Крылышком помахиват,

Любушку укладывают.

Слышала ли раньше степь северные колыбельные? Может, они встретились впервые, как машина дяди Жени и южная распахнутая дорога. Эти колеса крепили в лесах, на болотах. Из какой грязи выбирались, какие повороты брали! Закалка будь здоров! А здесь до того прямая дорога, аж в сон клонит. Еще чуть-чуть – и взлетит, оторвется машина. Ни одну сосну не зацепит. Пугающий простор.

Женский голос продолжал скрипеть. Он вспоминал, что такое музыка. С каждым словом получалось все лучше. Любушка вскоре уснула.

II

Машина будто везла настоящий дом.

Две подушки, два одеяла. Четыре кружки, оладьи на четверых. Двое мужчин и две женщины.

«Разве дому положено двигаться? – думалось Любушке перед сном. – Почему оторвался он от земли и понесся от Белого моря на границу степного солнца?»

До степи еще далеко. Мчалась машина от Севера к Югу. Будто не оборачиваясь.

Хорошо, что Север большой.

От Архангельска до Вологодчины тянутся вечные сосны. Лес, и не видно конца. От озер и до самого неба. Долго-долго все было родным и знакомым. Будто за грибами поехали.

Больше всех лес любила Любушка. С детства на беломошнике. Не боялась ни волка, ни медведя. Так и выросла на клюкве – краснощекая. И глаза – брусничный лист.

Дядя Женя тоже лес уважал. Чистокровный помор, такого еще поискать. Рыбачить любил не меньше отца и деда. И рыба шла на него – пол-Архангельска накормил. Да и не принято на Севере жадничать. Сегодня у тебя клюет, завтра у соседа. Так и перезимуешь.

Рядом с дядей Женей сидел парень помоложе. Глаза чистейшие – будто северными реками налиты. Имя какое – Иван! Мама так назвала.

Мама была рядом. Сидела за дядей Женей и пела колыбельную для Любушки – Ваниной невесты. Семья Вани родом из Соломбалы, «болотистого острова» в переводе. Места корабельные – первые суда сам Петр Великий принимал. Ваня всегда гордился, что его прадеды на верфи трудились, по морю ходили, с иностранцами были дружны.

Ване и его маме море было роднее леса. Любушка часто звала их за ягодами-грибами, да так и не собрались.

В этот раз не черника и не грузди созвали их в дорогу.

III

По Вологодчине бродят лоси.

Любушку разбудил рев – лосиный рев, не иначе. Из тумана вышла лосиха – что ее так напугало, чего она так бежит? Верно, лосенка потеряла. Как же тут не реветь, лес на уши не поднять. «Помоги ей, Господи, помоги», – молится сонная Любушка.

Будто в бреду мерещатся сборы в дорогу, Рождество Богородицы, голос Вани:

– Люба, война. Собирайся.

Война не была новостью, она тянулась от самой зимы. Ждала перелетных птиц, распахи-вала поля, собирала на редкость щедрый урожай. Рядышком с людьми.

Тем временем ехали по местам преподобного Дмитрия Прилуцкого. Когда-то и его завела дорога в леса Вологодчины, где он основал Спасский собор. Преобразилась тогда Вологодчина. Монастырь вырос вокруг собора. Любушка дважды молилась в нем о Ване.

И сейчас помолилась – издалека. Монастырь мелькнул в стороне. Только Любушка и заметила.

«Люба, война. Собирайся», – мерещилось снова и снова.

Письма летели повсюду – по лесам, по горам, по степям. Мужчинам писала война.

Ваня больше не мог ждать. Война сводила его с ума. А значит, с пути.

Природа подарила Ване кристальный разум. Вот и стал он не просто ученым, а кристаллографом. Говоря по-простому, изучал твердые тела. Любушка своей деревне объясняла так: «Есть на свете вода, есть воздух, а есть твердь – ее-то и любит Ваня всей душой».

Любушка выросла на заповедях Христа. Ваня – на заповедях Лихачева. Оба знали одно: война не бывает светлой. Светлым бывает снег, особенно северный. Светлым бывает слово, особенно северное. Светлым бывает дом – деревянный и с белой печкой.

Люба, бери самое дорогое. Завтра мы уезжаем на границу степного солнца.

Любушка бросилась к письмам, открыткам, билетам из музеев, театров, поездок. Хранила в коробочке – называла «шкатулкой для светлых дней». Знала, что пригодятся.

Подорожники надо испечь. Лучше всего получались оладьи – за них и взялась. Только летели – одна за другой. Пышные как никогда. Будто всю юность готовилась к этой дороге.

«А как же наши зеленые стены? – думалось Любушке. – Мы красили их вместе. Стол мастерили сами. Я вышивала скатерть. Ваня выращивал фикусы. Боже, как они подросли!»

Та ночь была нестерпимо длинной. Ваня до рассвета целовал грудь Любушки. Жадно, будто ребенок, впервые увидевший свет.

IV

–*La sérénité!*¹ – на выдохе шептала мама.

¹ Ясность, чистота, спокойствие (*фр.*).

Черные купола уходили в прозрачное небо. Солнце – нелепая радость! – еще согревает. Как же найти слово, чтобы назвать разом спокойствие, ясность и чистоту? Тишину благодостную, когда внутри и вокруг – свет?

– *La sérénité!* – на выдохе вырывалось.

Бывает, слово найдется – и порадоваться не можешь. Думаешь: как раньше жил без него? Порой из далекого языка придет, но так на душу ляжет, будто родное.

– *Quel jour serene le ciel presage!*²

В ярославское утро ворвался Шиллер. Мама сама удивилась. Еще девчонкой читала «Вильгельма Телля». Книгу под мышку – и на реку. В лодке любила читать. Папа всегда разрешал. А мама приносила перчатки: «Руки береги, Светланка».

В доме напротив жила тетушка Лена. По рождению Селин, корнями французенка. «Имя береги, Светланка. Только кажется, что его нельзя потерять. Легче перчаток, мой ангелок. А порой и самой оставлять приходится», – повторяла тетушка Лена.

Светланка бегала к ней за книгами – так и выучила французский. Ни на одном корабле, что приходят в Архангельск, не найдешь столько заморского, сколько в шкафу тети Лены.

Ох уж этот Вильгельм Телль! Первая любовь Светланки. Смелый, духом свободный – легендарный герой далекой страны. Но будто родной молодой северянке.

«Какой безмятежный день предвещает небо», – повторяла мама и будто не верила.

И правда – ехали в колокольном звоне. Мелькали Илья Пророк, Параскева Пятница, Архангел Михаил. И дома – в свежей листве.

– Вот она – *la sérénité du monde*³.

На секунду маме хотелось выхватить руль и поселиться прямо здесь. Где солнце не знает границ.

Но увидела Ваню и Любушку.

– Какое благодостное слово – *un esprit*⁴. Разум и дух – воедино, в одном слове. Сохранить, только бы сохранить. Вот спасение – *un esprit serene!*⁵ Только бы перевести.

Выдох мамы врезался в окно. Безглавая деревня. Звучит «Прощание славянки». Провожают пятерых.

V

Над Ивановской областью было истинно левитановское небо. Насыщенно-синее. Звенящая лазурь. А под ней горящая осень – тоже левитановская.

Любушка опустила стекло и протянула руку. Казалось, она касается каждого дерева.

– Ваня, помнишь в Третьяковке? «Над вечным покоем» и «Золотая осень» – только наяву и неразделимо вместе! Разве не чудо, Ваня?

– Люба, мы были в Новой Третьяковке. Смотрели Малевича, не Левитана. Путаешь.

Любушка ничего не путала. Прошлая осень. Под зонтом в Лаврушинский переулок. Ваня мечтал увидеть Рублева. Потом наверх, к Левитану. «Гляди, это не живопись – поэзия». Скамейка посреди зала. Крепкое плечо Вани. Так и сидела бы всю жизнь.

А Ваня забыл. Любушка не обиделась, только вздрогнула: «А что еще сотрется из его памяти там, за границей степного солнца?» Любушке стало зябко. Подумала: «Ветер» – и закрыла окно.

² Какой безмятежный день предвещает небо!(фр.)

³ Безмятежность мира(фр.).

⁴ Разум, дух(фр.).

⁵ Чистый разум, чистый дух(фр.).

Одна Любушка заметила поворот на Плёс, который мигом остался позади. Два лета подряд она проводила Яблочный Спас у подруги в левитановском Плесе. Какие яблони над Волгой! На Севере таких не найти. Любушке так хотелось показать их Ване. Она писала ему стихи, посылала в конверте с веточкой:

Над вечернею Волгою алою
Запах яблочный плыл дотемна.
Как умела, его собирала я —
Для тебя, для тебя.

Тем временем небо чернело. Собирался дождь.
Урчало в животе у дяди Жени. Пора обедать.

VI

Дядя Женя был другом семьи.

По молодости чего не дружить – весело, шумно. А как заболел папа у Вани, ходить занемог, один друг и остался. Забежит дядя Женя в гости, закурит, байку затянет – хорошо сразу.

А с виду такой суровый. Брови – на все переднее зеркало. Спросонья Любушка даже вздрагивала. Но потом смотрела на руки дяди Жени, и становилось спокойно-спокойно. Они будто вылеплены, чтобы держать руль.

Иногда и лопату – землю он очень любил. Бывает, неделю пьет, но, как морковку полоть пора, – ни сорняка не пропустит. Каждый рядок на коленях выползает.

Разгорячили дядю Женю пустые поля за окном.

– Раньше соседские войны велись за каждую сотку. А нынче только и слышишь: «На кой она мне».

С обеих сторон дороги чернеет густой борщевик. Осенью люди жгли его, все равно ни конца ни края. Будто гнилые кресты – зонты у дороги.

По радио передают: «Наша армия наступает... новые земли...»

Тем временем к Нижегородчине подступал туман. Брал поля – одно за другим. Ни домов, ни кафе, ни заправок. И где теперь пообедать?

– Дядя Женя, резные окна! – разглядела сонная Любушка.

И правда – резное окно. Самовар пузатый да кот не меньше. Пустые столы и женщина в отчаянно нарядном фартуке.

– Говорите быстрее, у меня две руки.

А спешить было некуда. Столы пыльные. Ни души. Только кот все попрошайничал. Хозяйка мигом такое застолье устроила! Путники хлеб не просили, а она полбуханки нарезала.

«Какая печаль в этой женщине», – думалось Любушке.

«Какие здоровые порции!» – радовался горячим щам дядя Женя.

Хотели заметить кафе, но нет его на картах. Явилось оно из тумана – в туман и ушло. Спасибо вам, добрая женщина.

Машина неспешно пробиралась на ощупь. Фары – вспышки в тумане. Сквозь радио слышались голоса за окном. Людно в тумане, лопата звенит.

Заворчал дядя Женя:

– Странный здешний народ. Запоздали поля убирать. И погоду странную выбрали.

Резко туман отступил. Проезжали сельское кладбище.

– Да все против войны. Кому она, проклятая, нужна, – разошелся дядя Женя.

– Но раз мужчин собирают, значит нужна, – главным нужна, – не смолчала мама.

– Главным видней. Скажут воевать – пойду, куда денусь. Я присягу давал. Слово, как хошь, держать надо.

Ваня мигом отозвался:

– Дядь Жень, как же совесть...

– У нас в присяге про совесть не было. Дали приказ – шуруй, некогда обсуждать. Это тебе не наука, Ваня. Сказано убивать – иди, куда деваться.

Дело было к ночи. Радио все трещало, чтоб дядя Женя не уснул. А утром сам себя развлекал. Без остановки говорил о помидорах, что народились летом. О здоровенной щуке, что клюнула на Кенозере. О старой, но крепкой удочке, по которой тоска взяла.

«Хорошо, что пропало радио», – думалось Любушке.

VII

Закат вскрывал все живое.

Горизонт предельно красный. Лес бы укрыл, защитил. В оголенных полях, казалось, подсолнухи гасли один за другим.

И вот – поле потухших подсолнухов.

«И зачем я взял ее с собой? Погаснет Люба вдали от леса».

Ваня знал: граница степного солнца незримо близко. За ней – страна Солнца, где вода дождевая дороже любых монет. Болот и в помине нет. А Любушка прибежит, бывало, с корзиной клюквы.

– Отвела я душу на болоте. До чего ж оно говоркобе! Делаю шаг – отзывается. Привечает. С ноги на ногу перекатываюсь – ажно хлопает! Двигается, Ванечка, дышит со мной болото! По науке так не бывает, верно?

Ваня много читал о стране Солнца. Говорят, города друг на друга издалека смотрят. До того ясная земля – истинно солнечного цвета. И глаза у людей – раскаленные степи. Коней уважают – как на Севере.

На рассвете показалась Чувашия.

– Бе-е-е.

Стадо овечек кружило у заброшенного магазина с надписью «Хя́тлӑх». ⁶ До того голосистые, никаких петухов не слышно.

– Эки говоруши выискались! Малы-маяшши, да эсколь высокӧньки ихни голосишша-то, – вдруг заговорила Любушка на языке родной реки Пинегги.

Затормозил дядя Женя, любопытно стало, что за овечки такие.

Ходят себе кругами, ходят. Сами себе на уме. Будто и нет большой дороги поблизости.

В кругу овечек слышалась музыка:

Уй варринче, лаштра юман,

Атте тесе, ай, кайрам та.

Килех ывлам, ай, темере,

Чун, хурланче, макартам та.

Из круга выходит старушка – ростом не выше овечек.

«Какая тоска в этом голосе», – думалось Любушке. Нежданно-негаданно встретились их глаза. Брусничный лист и черная рябина. Ни слова, ни звука – лишь песня в ответ:

Що-то во нонешном да во годи

Тежело жить да во народи.

Молодому да человеку,

Молодому да холостому.

Що из Питеру, из Сенату,

⁶ Уют(чуваши.).

Скоро почта да прибегала,
С государевыма да указми,
Со указми да со приказми.
Всё указы да процитали,
По губерням да россылали,
По меленьким да волбскам.
Молодых-то робят имали,
Резвы ножицьки да сvezали,
Белы руцюшки да сковали,
В дубовы-ти сани валили,
Во Архангельской отвозили,
Все под меру да становили.
Медна мероцька забреньяла...

Большая дорога настойчиво зазывала. Исчезали стадо овечек, низенькая чувашка и пинежская рекрутская песня – так и осталась она отголоском в далеких землях.

Впереди – продувные просторы.

Дядя Женя по березам приметил, откуда ветер чаще дует:

– Дружно березы склонились, покорно. Не то что наша северная лиственница. Пустит корни – кажется, вся земля в округе на ней и держится. Люблю ее. Мало теперь на Севере настоящей ядреной лиственницы.

VIII

Все лето Любушка отжила в деревне. Ягод насобираала, целебных трав заготовила.

В Татарстане лето будто и не закончилось. Временами трава июльского цвета. Хорошо косятся луга – благодать.

Любушка с детства научена конец лета по Илье отмерять. С Ильина на Севере вдруг замечаешь, как ночи потемнели, как трава потухла, как ты сама пробежала летечко да успевала ли оглядываться.

Прощание с летом пахнет чистыми полями. Любушка с детства традицию завела. Картошку выкопает, ведро перевернет и давай полем дышать. И оно дышит. И дождь накрапывает. Казалось, еще вчера желтела на поле ботва, а сегодня только запах ее – несмелый.

За окном не знают конца чистейшие поля Татарстана. Все ближе и ближе к югу несется машина.

– Правда теплее. И каждый клочок распахан, вот уважаю! – Дядя Женя распахнул окно и жадно смотрел на поля.

А Любушка всё проглядела. Бабушка снилась.

«Любушка-голубушка, ты как поживаешь-то?»

Я-то помаленьку-потихоньку.

Каки таки новости в нашей Пинеге?

Первы заморозьки пошли. Дровца берегу, по два раза не топлю. Мне одной и так дородно. Кошку только не заморозить бы. Второй день в шкафу у печи спит, представляешь. Тепло ишишет, хитряшиша така.

Ты звони хоть изпоредка-то, Любушка. Знаешь ведь, я без твоего звоночка-то сама не своя...»

А какие звонки в дороге.

«Не дай бог бабушка по голосу заподозрит неладное... Но совсем не звонить... Что же делать-то...» Который день Любушка не знала покоя, даже во сне.

IX

Беспорядочно сѣла мелькали.

Выйдет на дорогу деревня – одна, другая – и скроется за холмами. Запомнить бы их имена, да не поспеть глазу за табличками кособокими.

– Сейчас узнаем, где мы. – Ваня нашел карту. Забыл вовсе, что прихватил в дорогу.

Непростую землю проезжали. Границу трех поселений – Татарстана, Башкирии, Оренбуржья. Поясом узким тянулась дорога. По левому краю – Башкирия. Где-то там, впереди, – Оренбуржье. Вокруг еще Татарстан.

– На границах вечно разруха какая-то! Туда-сюда села перетягивают. Ясное дело, откуда взяться ядреным домам. То ли дело наши, северные великаны!

Любушка глаз не сводила с наличников. Дома и правда скромные, хилые. Многие брошены вовсе. Но окошки до чего нарядные!

«А когда-то из этих окон смотрели на мир. Большой и малый», – думалось Любушке.

Листья летели – здоровые, красные. Осень, багровый сентябрь.

Дядя Женя разошелся, видно, по дому тоска проступала.

– Чую, земля на границе немало крови впитала. Не то что наша, северная! Видать, самая чистая земля на свете. Вот повезло нам! Борьба у нас, видать, особая – с холодом и медведями. У них отвоевать земельку надо, а там уже дом смекать. Кулаками и махать-то некогда!

– Так в свое время романский стиль и возник, – отозвался Ваня. – Тысячу лет назад очень любили воевать. Не до науки было, только в монастырях и читали. Вот и начали монахи воинов уговаривать: мол, воюйте, но не каждый день. Воскресенье – выходной, например. Потом и дни поста сделали мирными. Заметили, что времени, сил и золота больше остается. Из крепкого камня стали строить – и монастыри, и городские стены. Так и стоят они тысячу лет.

Мама видела эти крепкие замки, повидала по молодости мир. Но вспомнились вовсе не они.

– Помню, позвали меня переводчицей в страны Гор. Дело молодое, быстро все подружилась. Лето – горячее, спелое. Меня и друзей угостили домашним вином. Рванули на мост. Под нами река Дунай – граница между странами Гор. Выпьем в одной стране – раз по мосту – выпьем в другой. И знаете... вкус горного вина, дружба, азарт – все оставалось прежним. Ничего не менялось от беготни нашей. Главное не менялось.

За разговором быстрее дорога летит. Вот-вот и граница степного солнца.

– Любушка, не спи давай, байку Расскажи-ка, быстрее приедем, – бойко рулил дядя Женя.

Как раз показался монастырь за рекой. Любушке вспомнилось, как с сестрой ездили к матушке Александре в пинежскую деревню Верколу.

– С утра собрались в монастырь за реку. Да только разморило с дороги, проспали мы с сестрой перевоз. Ничего, говорю, река обмелела, пешком перейдем. По плечи в воде ступали. Течение бурное, но не сбило с пути. Успели на службу. Обрато придумали тоже пешком идти. Ветер южный, течение с севера. И мы – вольны выбирать, куда идти. Давай, говорю, к роднику. Его слышно задолго. Громче ветра шумит родник. Пьем ледяную воду – жарко. На гигантском камне – гляди – колокольчик. Если он забрался, и мы сможем. Сидим на камне. Сестра, колокольчик и я. До чего хороша река в роли пограничья, не мной заведено. Вернулись в мир. Тут мухи звонче, о еде думается чаще. Обед до чего простышний. Суп грибной. Картошка с грибами. Черника с молоком. Колобок веркольский – наверсытку. На вечеру матушка Александра учила чистить рыбу и греть самовар. Не умели мы. Сидим под низкими потолками. Закат через кружева занавесок на лавки прыгает. Непрошено-незвано. Еще бы в такой дом не рваться. Самовар во главе стола. Гостей полна изба, хлеб с маслом, песни пинежские...

Там, где небо чисто-чисто,
Где ночь белая лежит...

Откуда ни возьмись, белка дорогу перебежала.

Дядя Женя аж подпрыгнул:

– Да, давненько я столько жизни разной не видывал, сколько за эту дорогу.

Х

Птицы бились в стекло.

Одна за другой. Белыми, черными каплями.

– Этой беды еще не хватало, – ворчал дядя Женя, включая дворники. – Сразу видно, степные птицы – не ходили они в море. Море живо научит – нечего без толку жизнью кидаться. Ладно бы защищали гнезда, а тут! Ой, окаянные!

Дороги срастались, ветвились. Видно, близится город.

– Светка, щелкни-ка меня с надписью «Оренбург». А то мужики не поверят, что я так далеко забрался!

Подзабыли в дороге, что города большие бывают на белом свете. Заплутали немного.

– Ну ничего, экскурсию вам устрою. Поглядим, как люди живут. – Дядя Женя все тараторил. Остальные нелепо молчали.

Дядя Женя с детским азартом смотрел на новые дома. Высоченные, яркие, пестрые.

– Ого, понастроили хоромы! Уж никто на улице не останется!

А Любушка только и смотрела на листья. Слишком простые цвета – красные, желтые, рыжие. Понесся один высоко-высоко. Резво кружился листок. Засиял в вышине и упал.

«Столько окон вокруг, но заметил ли кто... да разве до листьев там – высоко-высоко».

Любушка стала считать этажи и уснула ненароком.

Проснулась от бойких голосов. Дядя Женя и Ваня снова о чем-то спорили.

– Ванька, ты знай, я тебя не осуждаю! Светлая ты голова, зачем тебе под пули!

Нравилось Любушке, как они спорят. По-доброму, не со зла.

А за окном зарычали машины. Большие и маленькие – выстроились в ряд. Ни конца ни края не видно.

– Ваня, а где же граница степного солнца?

– Приехали, Люба. Подождем немного, все по очереди проедут. Не волнуйся, все хорошо.

Потихоньку доели татарский хлеб, чувашский сыр и ягоды северные, что Любушка припасла. Так вечер и скоротали.

И снова рычали машины. Началась животная схватка машин.

Обгоняли, толкали с дороги, гудели, кричали.

«Господи, что происходит?»

Не до вопросов Любушки было.

– Совсем обезумели?! Куда они?! Женя, иди на обгон! – вспыхнула мама.

Дядя Женя и глазом не повел. Крепко держал руль. Прямо перед ним с дороги слетела машина. Дядя Женя вышел помочь.

– Сейчас, – говорит, – разберемся, сидите на месте.

Вернулся такой же спокойный.

– Один водитель уснул, бедолага. Вот и взбесился другой, третий. Ох, горячие. Дорога горячих не любит.

Тишина наступила в степи. Вдруг заводится мотор вдалеке – друг за другом заводятся остальные. Резкий животный рев, но уже ненадолго.

Трогай.

XI

Быстро темнеет в степи. Раз – и упала ночь.
За рулем дежурила мама. Глаз не сводила с чернеющей пустоты. Вдруг загорятся фары, надо быть начеку.

Маме хотелось наружу. До того опостылел мир через стекло.

И вот она – степь. Холодная, мрачная, дикая.

– Какое звездное небо...

Мама видела разные звезды. Римские, пражские, венские. Когда-то была переводчиком, но забыла она языки. «Да, – говорила она звездам, – есть на земле нечто вне языков и границ. „Мама“ скажу, и меня поймут, обогреют».

– Замерзла, Светка? Бери давай фуфаечку! – Дяде Жене тоже не спалось, потянулся на воздух. – Ох, в баньке погреться бы! Третий день о ней мечтаю! После бани вздремнуть – святое дело. Весь размякнешь, как хлеб в рыбной подливе. Косточки мягоньки, невесомы. Помню, топил баню последний раз. Вдруг – лиса! Кинул ей сухарик, другой. Каждый день приходила, пока ты меня в дорогу не выдернула. Как там лисичка моя поживает, чем кормится? Потеряла меня, наверное...

Обоим не спалось. Глаз не сводили с границы степного солнца.

Силуэты разные виделись. Нет, не мерещились – люди! Люди шли на границу. Отчаянно шли пешком. В пограничной степи – до того большой! – можно вырастить город, несколько деревень. Вместо этого – шум чемоданных колес. И звезды – такие ненужные.

– Я назвала бы это «Исход детей». Гляди, одна молодежь идет. Да, Женя, останемся мы без внуков.

Дядя Женя раньше не думал о внуках. А в эту минуту – странное дело! – будто голыми показались колени. Так захотелось, чтобы кто-то маленький и родной сидел на них. Представил, как ведет на рыбалку: «Да! Даже если девчонка! Удочку полегче смастерю, потянет!»

Тем временем мама читала стихи любимого поэта:

Тише... это жизнь уходит,

Все любя и все губя.

Слышишь? Это ночь уводит

В вечность звездную тебя.

– Эй, Светка, ты давай не хорони меня раньше времени! Я еще не всю рыбу поймал!

XII

Будто резали водопад среди ночи.

Неведомый гул захватывал спящую землю.

«Откуда взяться воде в оголенной степи?» – спросонья думалось Любушке.

Казалось, на дорогу падают тяжелые капли. Дорога с трудом выносила их.

Любушка проснулась одна и выглянула в окно.

Сотни людей шли на границу степного солнца. По густому асфальту сотни колесиков – шли чемоданы. Непрерывный утробный звук.

Любушка судорожно вспоминала голос родной реки. Будто искала оберег, что незримо при ней. На Пинежье много пещер, водопадов. Особый северный край. Любушка знала по голосам студенья родники, подземные озера и водопады, что камня сильнее. Выйдет вода своевольная, пробьется вода к человеку – грозной покажется поначалу. Любушка не боялась, вслушивалась. Окунала руки и ноги в холодную воду. Ни мурашки не пробежит.

И вот сидит она у границы степного солнца. Один на один с незнакомой стихией.
«Где же ты, Ваня, где?..» – шептала Любушка разбуженной земле.

Толпы людей продолжали идти. На спинах набитые рюкзаки, на руках уставшие дети. Мама вела сына. Жена догоняла мужа. Дочери шли за отцом.

Сама того не ведая, Любушка очутилась в этой реке. Горным потоком неслась она прямо к рассвету – темнота начала отступать. Силуэты виднелись, но Ваниных глаз не видать. Любушка ловила бегущие лица. В одних – пугающее спокойствие. В других – уже не пугающий страх.

Шли люди, машины стояли. Чуть-чуть – и вrastут в землю гигантские грузовики. Горным хребтом станут.

«Что везут они в страну Солнца, что желают и ждут ее жители?» – думалось Любушке.

В машинах поменьше слышались плач и смех. Папа укачивал сына. Мама кормила двойняшек. Пара лежала в обнимку. Старик досыпал в тишине.

Целое селение выросло посреди степи.

Мужики сигареты делили. Дети делились игрушками. Соседи делились водой и хлебом. У дороги пустые бутылки, тухлое мясо, пестрый ковер – старик на коленях молился.

Повсюду звучала музыка на далеких языках, что встретились неожиданно-негаданно на границе степного солнца.

Долго ли, коротко – Любушка продолжала идти.

– Где же ты, Ваня, где...

Послышался голос:

– Девушка, а девушка! У тебя губы синие! Давай чаем горячим угощу!

«Уходя с кладбища, не оборачивайся», – неожиданно вспомнилось Любушке.

ХШ

«Руки приложи к печке – всю хворь вытянет».

Любушке мерещились белая печь и бабушкин голос. И правда, погреть бы руки, да где взяться печи на границе степного солнца.

«Уходя с кладбища, не оборачивайся. Позовешь за собой ненароком безутешную душу, скорбь неприкаянную».

Но Любушка обернулась.

– Девушка, а девушка! Да не бойся ты дядю Оскара. Баранина сочная, дынька спелая. Подойди давай, не обижу!

Любушка правда озябла от ветра степного. Сманили ее запах пряного чая и пестрый узор на тарелках. Захотелось в руках подержать расписную посуду, поглядеть на нее поближе. На Севере краски неброские. На столах – белые скатерти. Посуда цвета земли – деревянная, глиняная. Каемочкой красной украшены блюда и ложки.

– Горячий чаек, только с огня, – протягивает расписную пиалу незнакомец.

Трое мужчин сидели вокруг огня – горелки дорожной. Говорят, шестой день живут на границе степного солнца.

– Меня дядя Оскар зовут. Я домой еду. А ты, красавица, куда идешь?

– Жениха ищу, дядя Оскар! Не видели жениха моего? Светлые кудри, глаза родниковые...

– Не реви давай, найдется твой жених. У меня вон дома жена, а у дяди Рустама целых две. Тоже потеряли нас. Подлить чайку, красавица?

Чай был ядреный, с молоком. Любушка никогда такого не пила, к варенью больше приучена. Говорят, в стране Солнца любят чай с молоком.

Любушке так захотелось простого молока, без чая. Как в деревне родной – забежать к тете Шуре Ширчихе на вечернюю дойку. Целую крынку зараз – еще тепло.

Вспоминались Любушке прозвища пинежские. Шура Ширчиха, Манефа Карасиха, Маланья Кузеиха... Будто впервые услышала их чудную мелодию.

– Ты давай не мечтай, а бери мясо горячее! Давно жениха-то ищешь?

– С раннего утра, дядя Оскар... Проснулась, и нет его глаз родниковых...

– А наш Карим тебе не приглянулся? Смотри, какой парень! Щедрый, добрый...

Тихо сидел у огня молодой парнишка. Услышал имя свое, покраснел, поглядел на Любушку. И правда глаза добрые.

– Что вы, дядя Оскар! Побегу я Ваню искать. Спасибо за щедрость вашу, дыни вкуснее я отродясь не ела.

– Ты погоди давай. Еще погрейся, сил наберись. До границы степного солнца часа два пешком.

И начал дядя Оскар о пути своем рассказывать. Родился он в стране Солнца. На юге – высокие горы. Под ними поля, где растет все на свете. Только поливать успевай.

– А речка? Есть у вас речка? – забеспокоилась Любушка.

Дядя Оскар гордо достал фотографию – дочка его и Большая река. Вскормила эта вода и отца, и деда, и самого дядю Оскара. Теперь и детей его кормит.

– Вся семья моя выросла у Большой реки. Горами укрылись. Какой мир за горами? Никто и не видел. Зачем? А мне так хотелось! Молодой был, упрямый, как ты, красавица. Жену завел, как полагается, дом построил, детей нарожали. Но нет покоя, за горы тянет, и все тут! Говорю жене: торговать поеду, не могу больше. Накуплю всякого-разного за горами и вернусь. Так я весь мир посмотрел, представляешь, красавица? Вот еду домой, а на границе народу, откуда и взялся!

«Пестрая речь у дяди Оскара, как узор на чашечках», – думалось Любушке. Глаз оторвать не могла от посуды. Виделись на ней горы, травы и небо, синее-синее. Вот они, солнечные края дяди Оскара, где дыня растет, будто картошка. Где дочки его ждут.

XIV

Когда все дороги ведут в никуда, настала пора возвращаться домой.

Любушка слышала радио.

«Может, и правда назад повернуть? К машине... Может, разминулись мы с Ваней... Может, ждет меня, дожидается, места себе не находит?» – думалось Любушке.

Ветер с границы насквозь продувал. Будто назад отгонял неприкаянных путников. Люди всё шли и шли.

Оступилась Любушка, не устояла. На ладони упала. Капнула кровь на дорогу и тут же рассеялась – ветром, шагами людскими.

«У волка боли, у медведя боли, у лисички боли, а у Любушки все зажило», – приговаривала пинежанка, как учил ее дедушка.

И правда, боль отступила.

Тучи собирались по степи. Темные-темные. Укрыться бы в машине, пока дождь не зарядил.

– Никуда без Вани не пойду, слышите? – сама того не ведая, вслух прошептала Любушка, глядя в небо.

Будто слышали тучи упрямый шепот. Ваня шагал навстречу.

Со всех ног побежала Любушка. Без оглядки помчался Ваня. Сама степь расступалась для них.

Встретились руки их. Ветками прочными обвилась. Ни нож, ни пожар не расцепят.

Так и вернулись они к машине, не помня дороги. Только черные тучи по краю степи.

Дядя Женя и мама как раз раздобыли горячий чай. Выскочили из машины.

– А я говорил, вернутся! Ребята, ну вы даете! Мама Света поседела, пока вы гуляли.

Ваня обнял потухшую маму. Крепко, как никогда. Начал было рассказывать, как ушел он один среди ночи. Своими глазами увидеть ее наконец – границу степного солнца.

Дошел.

«Куда же мы дальше, Ваня?» – читал он в глазах дяди Жени, мамы и Любушки. Не выдержал Ваня, ответил:

– Довольно, убейте меня. Я не понимаю, слышите, не понимаю, почему человек должен бежать от земли, на которой полезен? С которой сроднился, которую знает и хочет познать! Это абсурд, слышите?! С одной земли бегут, на другой умирают, на третьей меняют флаги – разве в этом суть земли?! Дарить жизнь и куда реже ее забирать – вот ее суть, слышите?! Вы не знаете, на что способна земля, а я знаю, слышите?! Дайте мне землю, и я докажу! Неизмученную, хотя бы горсть! Я докажу, докажу, докажу...

Ваня упал на грудь Любушки. Они сидели прямо на земле. Мама присела рядом, прямо на землю. Трава молча припала к ним. Собирался дождь.

Дядя Женя не знал, как подступиться. Присел рядышком, прямо на землю.

– Вань, эт самое... Мужики радио поймали... Грят, малёха – и победим... Поедем домой, а?

Эпилог

Когда-то давным-давно жил творец по имени Леонардо. Размышлял он об истинной окраске листвы. Ему думалось, художник должен сорвать листок с дерева, которое хочет изобразить, и по этому образцу приготовить свои краски.

Но хватит ли на земле листьев для каждого художника? Их полет по осени только кажется вечным и неизбежным. Одни листья не распустятся по весне. По вине человеческой или вовсе от холода. Другие листья сгорят на заре июля. По вине человеческой или вовсе от крепкой жары. Остатки догорают под ногами. Прямо сейчас.

Что же останется художнику?

Неистово-желтый рассвет на границе степи.

Двое мужчин и две женщины на остывшей земле.

И солнце, что наконец светило им в спину.

Неистово-желтый свет.